

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

А Х ЭТО ВЕЩЕЕ материнское сердце! Александра Ивановна заболела почти сразу после того, как Павлика отправили в Афганистан. Ее подлечили и попросили поработать в больничном отделении санитаркой:

— Выручите нас, а мы вас будем подлечивать: сына ждать еще долго.

Там, в больнице, я с ней и познакомилась. Помню день, когда и врач, и дежурная медсестра пришли на работу, сияя от радости: сыновья вернулись со службы. Мы с Александрой Ивановной сидели рядом в коридоре.

— Скоро и мой Павлик придет, — тихо сказала она.

А на следующий день А. И. Бесенкова не пришла на работу.

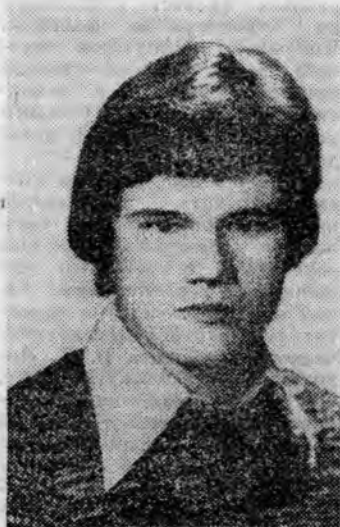
I. «ТАКИМ БЫЛ ВАШ СЫН»

«Здравствуйте, дорогие родные! Получили ли мое поздравление с Новым годом? Сегодня мой первый новогодний праздник в Армии. А потом мы еще будем встречать афганский повый год, по их календарю наступит 1360-й год, так что живем мы в 14-м веке. Мы сейчас строим, вернее, ремонтируем казарму, варим трубы, делаем душевую. Начальник штаба поблагодарил меня и парня, с которым вместе работали. Так что у меня все нормально, обо мне не беспокойтесь. Мама, вышли мне клюквенного варенья. Ваш Павел. 1.01.81 года».

«...Я все еще в Джалалабаде. Надоело здесь торчать, соскучился по ребятам в роте, а о доме — и говорить нечего. Помогают ли девчонки маме по дому? Отец, ты тоже береги себя. Посылаю справку, по которой вам уменьшат квартплату... Ваш Павел, май 81».

«...Здравствуй, дорогая Жанна! Дела мои идут нормально. Сейчас нахожусь в командировке в г. Чарикар, охраняем афганских рабочих, которые ремонтируют дорогу Кабул—Чарикар. Спасибо, сестричка, за поздравление, даже не верится, что мне уже 21 год. Жанна, прости неблагодарного брата, который не поздравил тебя с днем рождения. А еще, если можешь, пошли мне переводные наклейки. Твой Павел. 15. IV. 82».

«Здравствуйте, дорогие родные. У меня все в норме. Жду дембеля, как у вас дела, как здоровье? Ваш Павел!»

неоднократно ходили на выполнение боевых задач, и всегда Павел выполнял их на «отлично», за что не раз получал благодарности от командования части. И за знание своей воинской специальности и за храбрость при обезвреживании взрывоопасных предметов, используемых мятежниками против воснизирования колонии, он награжден нагрудным знаком «За разминирование», который повесил Борис Ткаченко. Он скоро у вас будет.

Дорогая Александра Ивановна! Мы, друзья Павла, хотим вам сказать большое спасибо за вашего сына, он был хорошим другом, честным, добросовестным и очень веселым. Даже в то время, когда вроде бы и нельзя было смеяться, когда на душе у всех было тяжело, Павел брал гитару, пел и поднимал всем настроение. Вот таким был ваш сын, пока не умер от болезни «брюшной тиф». Высылаем вам негативы, где запечатлены Павел и его друзья, и адрес его лучшего друга Бориса Ткаченко. Декабрь 1982 г.»

«Уважаемые родители рядового Павла Бесенкова! В ответ на ваше письмо об обстоятельствах смерти вашего сына сообщаем, что он 17.XI.82 г. поступил в госпиталь, 19.XI.82 г. переведен в хирургическое отделение с диагнозом: перфорация язвы кишечника, разлитой перитонит. Ему сразу же была сделана операция, которая длилась четыре часа. Сделано все возможно, но спасти П. А. Бесенкова не удалось. Заместитель командира части (подпись) 10.03.83».

«В ответ на ваш запрос сообщаем... Заболевание протекало в крайне тяжелой форме с высокой лихорадкой до 41

градуса, выраженной интоксикацией организма... На вторые сутки пребывания в госпитале болезнь получила крайне опасное осложнение. Несмотря на комплексное лечение в реанимационном отделении госпиталя, состояние больного продолжало ухудшаться. 23.XI.82 г. рядовой Бесенков П. А. повторно оперирован. Несмотря на усилия бригады врачей — реаниматоров, 24.XI.82 г. в 22 часа 10 минут наступила смерть. Имело полное совпадение клинического и анатомического диагнозов. Случай смерти Бесенкова П. А. разобран комиссией по изучению летальных исходов. Дефектов в оказании помощи больному не выявлено.

Дорогие мать и отец Бесенкова Павла! Мы сделали все возможное. Заместитель командира по политчасти Кольманда, начальник медсанчасти подполковник Устьянский. 28.10.83 г.»

«Дорогая Александра Ивановна! Мне писали ребята, что Павел погиб, но я не могу этому поверить, пока не получил ваше письмо. Ваш сын был отличный парень, часто в палатке играл на гитаре и пел, собирая вокруг себя ребят, был всегда веселый, выходил из любого положения. Я часто бывал с ним в рейдах. Помню один из них. У нас кончились продукты, оба транспорта были сломаны, у моей машины кончилась солярка, так что мы никак не могли съездить в полк за питанием. Тогда попросили у афганцев кукурузную муку, и Павел напек таких вкусных лепешек, что все ели с удовольствием. Один раз в полку он варил рис без соли и все равно получилось вкусно... Валерий Филоненко, г. Абакан».

«Уважаемая Александра Ивановна! Мы случайно получили ваше письмо. Вы нашим офицерам больше не пишете, они все новые и ничего о Паше не знают. А мы с ним служили недолго. Он заболел, но никто не знал, чем. Долго лежал в палатке, из санчасти ему давали таблетки. Потом

его отправили в инфекционное отделение, сказали, что брюшной тиф. А через три дня нам сообщили, что Паша умер. Мы считаем, что болезнь была запущена, организм был истощен... А об Иване Кириченко сообщаем, что он был самым лучшим офицером в роте, отличный парень, он всегда был с солдатами».

***

Однажды командир взвода Иван Кириченко застрел с саперами на минном поле до вечера. Быстро спустилась черная южная ночь. Нечего было и помышлять о выходе с поля. Они просидели там до рассвета, опасаясь сделать лишнее движение. А утром, когда вернулись в часть, комзвода сказал: «Вы думаете, если я офицер, то мне не было страшно? Нет, я из такого же теста, что и вы».

Он был жив, молодой красивый лейтенант из Хмельника, пока рядом с ним были такие надежные и уже опытные саперы, как Павел Бесенков. Потому им и пришлось служить дальше положенного срока, что пополнение прибывало неопытное. И как только «стариков» не стало, и в рейды пришлось ходить с новичками, Иван Кириченко погиб. Одновременно с ним подорвались на минах еще одиннадцать человек.

Но об этом и многом другом мать узнает позднее, когда объедет сослуживцев своего сына, побывает в Ленинграде и Одессе, на Украине и в Белоруссии, узнает, что не строительство забора и казармы, не охрана афганских рабочих были главным делом сына. У командира второго саперного отделения П. А. Бесенкова была крайне опасная служба. Сапер ошибается один раз. Павлик не ошибся ни разу.

Почему же ему позволили умереть от болезни? Почему он попал в госпиталь за неделю до смерти, в безнадежном почти состоянии? И последнее письмо сестре Жанне, такое горькое, писал, выходит, уж больным? Эти мучительные вопросы не давали матери покоя и гнали ее из города в город, из поселка в поселок. Но об этом расскажу в продолжении.

Л. МАМЧЕНКО.

(Окончание следует).

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

2. И ВРЕМЯ ПРИШЛО

Павел Бесенков жил в большой семье. Отец годами работал без отпусков, квалифицированный монтажник, он месяцами мотался по командировкам, чтобы обеспечить семье необходимый достаток, и не так много виделся с детьми. Но она росла хорошими детьми.

— Павлика не за что было даже одергивать, — вспоминает Александр Александрович. — Я его отругал один — единственный раз за всю жизнь. Это когда он бросил учебу в пединституте. Отругал и забрал в свою бригаду.

У Павлика и троих его сестер было много друзей. Для них всегда были открыты двери небольшой трехкомнатной квартиры Бесенковых. «Я даже звонок с дверей снял», — говорит отец.

Гибель Павлика потрясла всех, кто его знал. Письма, запросы, которые мать всюду рассылала, ничего не проясняли. Борис Ткаченко, которого ребята называли лучшим другом Павла, в Череповец не приехал, писем не писал. Но у матери был адрес: село Гаевка Одесской области. Двумя поездами, автобусом и попутной подвойдой добралась она до села. И застала парня в таком бедственном материальном положении и так растерзанным морально, что не решилась ни о чем расспрашивать. Забрала награду сына и уехала.

Все слезы она к тому времени выплакала, Сердце закалилось от множества больших и мелких обид, которые пришлось вынести.

Пришел из части почтовый перевод на 63 рубля, которые не успели, видимо,

выплатить сыну. На обороте бланка торопливая надпись: почтовый сбор 1-20. Хорошо, удержали, но надо ли об этом сообщать? В такой-то час?

Вот в руках матери, наконец, награда сына: нагрудный знак «За разминирование» и удостоверение к нему. В удостоверении написано, что оно «выдано рядовому Бесенко Петру Андреевичу». Чья равнодушная рука выписывала этот документ, полностью перевернув имя, фамилию, отчество?

Три инфаркта перенес после гибели сына отец. Стал инвалидом второй группы. Но перед направлением на ВТЭК врачи говорили: «Зачем вам это? Все равно уже на пенсию по возрасту выходите», — хотя ни на один рубль выше пенсия в результате инвалидности не стала.

Написал в областной отдел социального обеспечения с просьбой перечислять деньги на лицевой счет. Указал номер и счета, и сберкассy. Три месяца ждал напрасно денег, а когда начал разбираться, то выяснилось: их шлют в совсем другую сберкассy, на другой конец города.

Долгое время родители не имели никаких прав на благоустройство могилы сына. Сердце сжималось при виде временных, покрытых охрой «коробух», которые потом заменили тонкими мраморными плитами. Отец пришел на кладбище как раз тогда, когда эти плиты укладывали, а края могилы покрывали зеленым дерном. Попросил работавших плотнее положить дерн. «Подумаешь, какие Александры Матросовы тут лежат», — отозвалась женщина-мастер, руководившая работами.

Не выдержали родители, сами поставили памятник. И получили выговор «за самоуправство на государственном мемориальном кладбище».

Теперь такое «самоуправство» разрешается. Теперь мы пишем об «афганцах», проводим митинги, воздаем

им запоздалые почести. Но тогда, в начале восьмидесятых, все было глухо. Не многие узнала о своем сыне от его друзей мать. Они уходили от вопросов, отмалчивались. Не получила главного ответа: почему сыну дали умереть от болезни? Лишь по коротким, отрывочным штрихам могла составить представление, сколь нелегкой была его служба.

Один из «афганцев», недолго пробывший рядом с Павликом, кажется, в учебке, рассказывал, как они однажды встретились в Афганистане. В ущелье произошло кровопролитное сражение. Погибли десятки наших. Большая группа солдат возвращалась с места боя, неся на себе под знойным южным солнцем тела погибших товарищей. Один из них был Павел Бесенков. «Я не сразу узнал его, почерневшего, осунувшегося. Слов не было. Мы постояли несколько секунд, посмотрели в глаза друг другу и молча разошлись. Каждый своей дорогой».

От встречи к встрече мать становилась все сильнее и тверже. К личному горю прибавилась боль за этих, оставшихся в живых, но таких неустroенных, покaleченных физически или порванных морально.

Город Хмельницкий. Здесь, в частном доме, в одной тесной, грязной комнате она увидела девятнадцать поставленных коек. Хозяйка с приездом гостя кинулась подметать, менять на кровати белье. Но ни светлее, ни уютней общага вследствие этого не стала. Одну из коек занимал Сергей Глушков. Тот самый, который сопровождал гроб с телом Павла в Череповец. У Сергея тогда сильно болела простреленная нога. Болела и теперь. Переночевав в доме, Александра Ивановна пошла на другой день к руководству предприятия, где работал Сергей, и не отступилась, пока не получила обещания, что парню дадут место в заводском общежитии.

Город Городок. Хмельницкой области. В печальный день прибыла сюда мать. Родные и близкие собрались на годовщину гибели Ивана Кириченко. Комзвода не рассказывал своим подчиненным о семье, и у ребят сложилось впечатление, что у командира никого нет. А оказалось — родители и шестеро братьев и сестер. И эти восемь человек, потерявшие сына и брата, теснились в небольшой трехкомнатной квартире без элементарных удобств.

Взорвалась гневом, пошла в горисполком Александра Ивановна, прорвала осаду тех, чья главная обязанность говорить: «Занят, принять не может», — потребовала квартиру для семьи погибшего воина. А когда услышала в ответ упреки в бесцеремонности и сакраментальное: «Не мешайте работать», — заявила ультиматум:

— Если вы не выделите этой семье нормальное жилье, я разошлю телеграммы всем ребятам, которые служили с Иваном Кириченко, и они съедутся сюда и встанут стеной перед подъездом горисполкома.

Память о погибшем сыне придавала Матери силы. И все, что она делала для его друзей и родственников погибших его сослуживцев, — все это было данью сыну. Перед ней закрывали двери, выгоняли из кабинетов, а она стучалась вновь. Только это как-то утешало истрадавшееся сердце.

***
Через год или полтора после гибели Павлика я встретила А. И. Бесенкову на улице и едва узнала ее: настолько изменилась эта женщина. Она рассказала о своих поездках:

— Что еще можно сделать? — Поберегите себя, Александра Ивановна, скоро о вашем сыне и о таких, как он, будут говорить открыто, расскажут об их службе, поставят им памятники, — сказала я тогда Матери.

Это время наступило.
Л. МАМЧЕНКО.